

П. Скосырев. ОРКЕСТР, СОБАКА И МН. ДРУГОЕ (лирическая поэма)

Публикация подготовлена:

Кремнева Людмила Александровна, Самарская областная универсальная научная библиотека

Предлагаем вашему вниманию лирическую поэму «Оркестр, собака и мн. другое», опубликованную впервые на страницах «Студенческой мысли» в 1923 году¹.

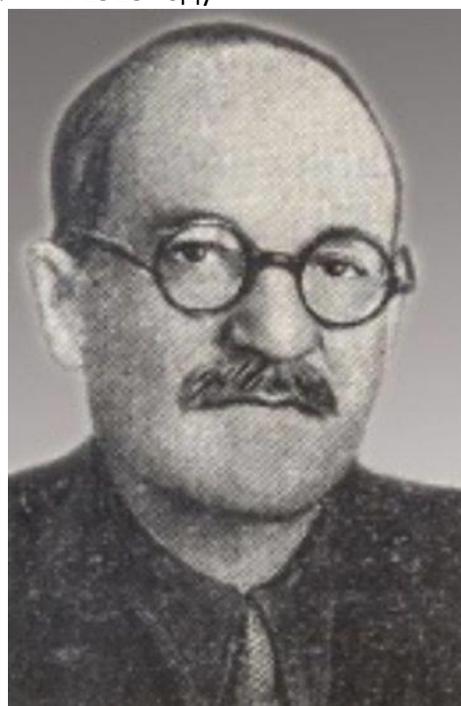
Автор поэмы – профессиональный литератор Петр Георгиевич Скосырев (1900–1960)², окончивший гимназию с золотой медалью. Петр Скосырев вошел в юность – время выбора человеком своего жизненного пути – как раз в те годы, когда народ определял исторический путь страны. В 1919 г., только-только опубликовав наивный сборник стихов «Голубое – золотое – дальнее»³, вчерашний гимназист, студент университета уезжает в Среднюю Азию, в зной песков, под свист пуль, навстречу нелегкой красноармейской судьбе.

С первых своих стихов, еще подражательных и слабых, Петр Скосырев заявил о своей любви к миру слов, образов, идей. Пережив юношеский возраст, он пережил и увлечение стихами (лишь два тонких поэтических сборника остались «вещественным доказательством этого увлечения»), но не утратил любви к литературе.

Вступил в Союз писателей⁴ в первый год его организации и вел работу по развитию национальных организаций писателей братских республик. Особенно значительную творческую помощь оказывал

П.Г. Скосырев литераторам Узбекистана и Туркмении, хорошо изучил их языки, и ряд книг узбекских и туркменских авторов вышел в свет в переводах и под редакцией П.Г. Скосырева.

Семь романов, пять повестей, несколько очерковых книг, множество критических и исследовательских статей – итог его жизненного и творческого пути.

П.Г. Скосырев

¹ Нами не было найдено ни одного упоминания об этом произведении в творчестве П.Г. Скосырева.

² *Мацуев Н.И.* Русские советские писатели: материалы для биографического словаря (1917–1967). М., 1981. С. 197.

³ Экземпляр этого издания выставлялся на Аукционе №104 (26.05.2023) Аукционного дома «Империя» с начальной стоимостью 3–4 тыс. руб.

⁴ Союз писателей и его устав были созданы в 1934 г. на Первом съезде писателей СССР (организация профессиональных писателей СССР).

Редкое издание

Приведенный ниже отрывок из лирической поэмы, по всей вероятности, был опубликован впервые в журнале «Студенческая мысль» в то время, когда Петр был студентом Саратовского университета.

В Самарской ОУНБ имеется подшивка из 5 номеров этого журнала. Сам журнал «Студенческая мысль» является редким и на настоящий момент присутствует только в фондах нашей библиотеки и в фондах РНБ⁵. В оцифрованном виде его пока нет.

Мы публикуем фрагмент текста с сохранением стилистических и хронологических особенностей изложения материала.

ОРКЕСТР, СОБАКА И МН. ДРУГОЕ

Город, мира каменная корона.
Ан. Мариенгоф

Круг 1-ый.

Показался с поворота всадник огнеликий.
Конь летел стремительно и стал с огнем в глазах.
В воздухе еще дрожали – отголоски, крики,
но мгновенье было трепет...
В. Брюсов

I. Первые простыни

Думал я написать эту стремительную повесть в стихах, но не всегда выходит так, как задумываешь. И последующие страницы будут лучшим тому доказательством.

Афиши по городу громадные красные, желтые, зеленые, синие и, наконец, белые простынные кричали, вгрызались в уши и глаза, горланили на перекрестках четкими скудными буквами.

Сверху – Профессор Бабайло.

По середине – Способ воцарения мира, счастья и справедливости на земле в ближайшие дни.

И совсем внизу – Здание консерватории, большой зал.

Больше ничего.

Город видел всякие афиши.

Города не удивишь воцарением счастья и справедливости в ближайшие дни. Город видел – Нет больше лысых, и – Отныне все богатые (объявление о продаже чулочно-вязальной машинки) и – Как восстановить утраченную силу – посетители дома работы, внимание!!!) и мн. др.

⁵ РНБ – Российская национальная библиотека (г. Санкт-Петербург).

Город знает, что забор все вытерпит, город знает, что жители его все прочтут и ничему не поверят. Город знал, что объяви завтра диспут, на котором оппонентами будут жители Марса или Юпитера, и никто не удивится, но никто и не поверит.

Городских ли жителей поражать афишами. Городских-ли, тертых, битых, прошедших голод и войны, и революции, и реквизиции, и прочие медные трубы, жителей завлекать простынями афиш...

Пробежали два папиросника, прочли объявление, сказали что-то друг другу. Заохотали и прошли...

Бежали мимо афиши две барышни.

– Лиза, это в каком кинематографе?

– Вот дура, разве не видишь, в консерватории, лекция.

– А лекция, ну и шут с ней...

И прошли.

Спешили мимо афиши два доцента, остановились, прочли, подивились на незнакомую фамилию:

– Бабайло, это кто же такое?

– Бабайло, не слыхал, приезжий, верно.

– Естественник.

– Скорей медик.

– Гастролер!

И прошли...

Проходили многие. Все проходили. Все читали. Нельзя было не читать. Четкими, скудными буквами вгрызались в глаза и щипали уши синие, красные, белые простыни.

Читали и пробегали мимо.

И только обманутый любовник с мутной душой и черными мыслями, с кирпичом на сердце, иронически кривил 5 минут рот и твердил, стоя перед желтой афишей.

– Счастье... в ближайшие дни... Идиот... Бабайло. И проходя мимо консерватории, спросил у кассирши.

– Когда этот... ваш... будет... лекцию?

И не кончил, ушел, ибо волосы кассирши так напоминали дорогие, ах, проклятые, милые когда-то... Ушел с кирпичом на сердце и при каждой новой дыре в красное или синее, с четкими скудными буквами, кривил рот:

– Идиот... Бабайло...

И только безработный студент, доедавший последнюю жилетку, прочтя афишу, подумал почему-то:

– Да, надо будет уехать в Бразилию...

II. Подробности завтра

На другой день поперек синих, желтых и прочих оттенков пятен о проф. Бабайло были наклеенные двухсловные полосы:

– Подробности завтра!!.

А завтра...

Нет лучше все по порядку.

Безработный студент сидел в парикмахерской, достригая последний билетик своего абонеента, и рассматривал в зеркало похudevшее, почерневшее, свое 22-х летнее лицо.

Ему было себя жалко... А тут еще парикмахер:

– Волосы-то, верно, весну учуяли?

– Что? – не понял студент.

– Волосы-то, говорю, верно, весну учуяли, как лезут.

– Да весну, повторил безработник и подумал, что это брейщик с иронией или так, видно разве, что второй день не ел.

– Просто. Болел, сильно, сказал еще раз громко, улыбнулся, покосился в сторону парикмахерской руки, скользнул глазом по окну и... (многоточие).

Обманутый любовник томился дома. Он сознавал, что он плох, что никакая девушка его никогда не полюбит, что жизнь не удалась, что он ничего не умеет. Оставалось только пуля – или пьянство. Стреляться было страшно, и он решил выпить. Пошел в лавку за вином – не хватило денег. Возвращался унылый домой, устало уставился в витрину кондитерской. Нехотя вошел и спросил плитку шоколада, потом спохватился, что глупо в его положении есть сладкое... но поздно. Раздосадованный выхватил из рук продавщицы покупку и направился к дверям.

Продавщица молоденькая и легонькая привыкла совсем к другому обращению. Она выбирала уже шпильку поострее, пустить в спину хлопнувшему дверью «невеже», да как раз в это время... (многоточие).

2 третьевыхшних доцента только что в разгаре спора о тождестве Егория Храброго и Ярослава Мудрого в народных песнях, остановились на углу у киоска, и доцент повыше и постарше полез за деньгами – купить «Иру», только что к ним подскочили мальчишки с лотками, как из-за угла... (многоточие).

Это даже нельзя было назвать афишей.

2 крепчайших мохнатоногих битюга везли грузовой автомобиль с золотой башенкой. На башенке красный флаг и тоже золотые буквы – надпись, та же самая, что и на бортах автомобиля, там на синих досках яркими огненными буквами...

Неудивительно, что и 22-хлетний безработник в парикмахерской, и сам парикмахер с бритвой в руке, и унылый брошенный любовник с кирпичом на сердце и с плиткой шоколада в кармане, и легонькая продавщица со словом-шпилькой во рту, и доценты, и папиросники и даже барышни, любительницы кинематографа, замерли на месте.

Надпись на борту автомобиля и на красном флаге была – Революция!..

Буквы на башенке и буквы многочисленных еще более огромных, чем первые, афиш, как-то внезапно появившихся на каждом заборе и тумбе, складывались в слова и фразы, в текст, который вот:

Свободный художник, профессор такого-то (неизвестно какого) университета и такой-то (неизвестно какой) консерватории, А.Г. Бабайло в пятницу 8 февраля, в 7 час. вечера, в зале городской консерватории прочтет доклад на тему: «Мировая мирная социальная революция через неделю». Нет больше несчастных и недовольных, нет больше злых и жестоких. Всеобщее равенство и труд – радость. Все политические партии приглашаются для того, чтобы убедиться в никчемности их политических программ.

Доклад сопровождается исполнением на органе... (тут стояло слово, которого никто не мог прочесть).

Вход бесплатный.

А внизу уже более мелким шрифтом в тесной верстке было:

Если бы Бога не было, его надо было выдумать (известное изречение Вольтера).

И какой-то текст из священных книг христиан о втором пришествии Спасителя.

Совсем внизу – петит:

На нумерованные места запись.

III. А все-таки она вертится

А все-таки города ничем (никакими чудесами) не удивишь.

Его можно заставить застыть от изумления с бритвой в руке, или с плиткой шоколада в кармане. Или даже с котлетой во рту (что, вообще говоря, неизмеримо трудно), его можно заставить соскочить на минуту глаза совсем не в ту, куда следовало бы, сторону, его можно поразить, но не убедить.

Город знает цену людям и цену своего времени.

Когда к нему приходит делец и говорит: – давайте начнем выгодное дело, предлагая постройку надземной дороги или радиофикацию всех школ или что-нибудь подобное, город говорит: – жулик.

Когда к нему приходит проповедник и призывает к новой святой жизни, обещая за временное обуздание земных страстей вечное счастье в небесных садах, – город говорит: – дурак.

Когда к нему приходит революционер страстный и фанатичный, не боящийся ни каторги, ни пыток, и зовет к свержению ненавистного ига – денег, город говорит: – шпион.

Поэт у города – сумасшедший, писатель – потребитель бумаги, любовь – трата времени и денег.

Если бы новая Жанна д'Арк не французов уже, а городских жителей звала к победе (не над англичанами), а над мещанством, тупостью и малодушием современной жизни, город сказал – бы... (совсем короткое, но и совсем не приличное слово)...

Так никто не поверил и не принял всерьез известий о лекции проф. Бабайло. Красный флаг и обилие печатных пустынь на стенах, страшное и недостижимое слово, привлекли внимание многих, всех, всех заставили остановиться и на минуту уйти в царство будущего и чудесного, которое у каждого где-то спрятано там под черепами, под мозгами, под привычными нашими будничными, бьющимися кровью, сердцами; но город большой человек и город недоверчивый и изверившийся человек.

Город прочел объявление проф. Бабайло и город сказал: – Шарлатан.

IV. 9 букв с металлическим Ц

В среду, 6 февраля на заводе Гукон было очередное рабочее собрание.

Ну о чем могут говорить рабочие, как не о революции.

Пусть сейчас они заняты разбором своих домашних дел – почему мастер Шмит не в очередь получил отпуск, или почему отставлен старый Андрей, за каждым их словом слышатся эти 9 твердых букв, эти 9 твердых букв с металлическим Ц в конце, с ласкающим Л

и с возбуждающим, иногда манящим, иногда угрожающим, но всегда твердо уверенным в себе Ю. – Революция!!

На нее, конечно, съехал и это очередное собрание рабочих фабрики Гукон.

Когда старый Андрей – 25-летний сторож красных стен и железнорешетных окон завода, плачущий и седой, стал жаловаться на свою беду, на бедность, которая завтра же вползет в его однокомнатную квартиру с 5-ю жильцами и нетопленными печами, подул ветер и, казалось, выйдет вот из глаз, из морщин лба, из жил рук, из распоясавшихся рубашках это металлическое слово – Революция.

Это же слово горело золотыми буквами на красном флаге проф. Бабайло.

Рабочие уже видели на улицах и мохнатоногих битюгов с башенкой, и афиши, и флаги со словом, жгущим их черепа.

Под их же черепами, первыми из городских черепов, родилась и оценка незнаемого Бабайлы – шарлатан.

И, когда надо было дать выход вскипавшему возбуждению, оно полилось в сторону послезавтрашней лекции.

Не всегда можно давать выход словам, разъедающим мозги и рвущимся из губ в воздух, ибо даже и красные стены крепкого завода имеют не только железно-решетные глаза, но и уши и... даже язык.

Возбуждение рабочих, имеющее своей причиной 9 твердых букв с металлическим Ц в конце, полилось в сторону безобидного, верно, старика профессора.

– Мы пойдем 8-го туда в консерваторию, благо даром. Мы не дадим околпачивать публику *мирными* революциями. Если нельзя говорить нам, пусть молчат и они!

И даже старый Андрей сказал:

– Ребятюшки, запишите и меня.

А сам подумал:

– Может чудачок этот Бабайло и впрямь поможет чем-нибудь.

Когда рабочие расходились с собрания, у ворот визжал и путался какой-то общипанный пес.

V. Недотанцованный вальс

Знакомый уже нам 22-х летний безработник зашел к своим знакомым молодоженам.

Они были счастливы – только недавно была их свадьба, только недавно белая, вся в белом, она, раскрасневшаяся, на свадебном пиру танцевала русскую, а он сидел на диване и не верил, что это она, вот вся в белом, раскрасневшаяся... что она, вот эта танцующая... ну словом, что она вот эта – так и не знал он, в конце концов, что же ему не верится.

Теперь она сидела на диване, а он писал. Или лучше так, теперь она сидела на диване, а он с ручкой в руке, с белым листом бумаги перед собой... оглядывался.

– Ленуша, о чем ты думаешь, тебе не скучно? и к белому листу с ручкой в руке.

– Нет, милый, пиши, пиши.

Ручка в руке по белому листу скользит и бежит. Он ножки пера черные узорные следы – строчки.

– Ленуша, прости, что я пишу, надо срочно к утру сдать статью.

– Пиши, пиши.

Ручка в руке скользит и бежит – строчки...

– Ленуша, а тебе не скучно, мне все кажется, что ты грустишь.

– Да нет же, милый, я страшно веселюсь, пиши.

Ручка в руке к листу...

– Нет, так я не могу, улыбнись, улыбнись немедленно.

На белом лице улыбка.

На белом листе еще одна строчка и стоп...

– Баста, не можешь одна веселиться, будем вместе.

Ручка с пером на стол, клякса жирно лижет черные узоры, а по узкой комнате между диваном и постелью в прыгающем вальсе расцветает веселье.

– А знаешь, Николай, мне и вправду сейчас стало грустно. Вдруг будет ребенок, Николай, а у нас нет денег, – няньку, там детскую...

В это время вошел безработник.

Ах, молодожены, это самые ласковые люди; но безработные, съевшие последнюю жилетку, это самые неподходящие гости для молодоженов, а для молодых жен, взгрустнувших о маленьких детях, которым не на что будет нанять няньку и принять детскую, такие голодающие гости – веревка в доме повесившихся.

Недотанцованным оказался вальс, недоговоренными бесконечные разговоры о веселье и грусти, о счастье и деньгах. Погода, здоровье, последняя книжка стихов, квартира, последний концерт в консерватории и дела в университете, по ассоциации с консерваторией и с университетом всплыли мохнатоногие битюги, афиши, проф. Бабайло и завтрашняя лекция.

Безработный студент, тщетно ожидавший чая (ах, молодожены так часто негостеприимны *по рассеянности*; – *по рассеянности ли*) вспомнил о надписи внизу афиш – бесплатно, и стал звать их в консерваторию.

– У меня там кассирша знакомая – места достанем.

А молодоженам разве не все равно куда идти – вместе?

Да и слова о счастье и радости в ближайшие дни так хорошо звучат в ушах, когда первые начинают мутные тучки опасений закрадываться в голову, которая недавно только на свадебном пиру вся покрасневшая...

Когда гость ушел, писатель сказал:

– Ну чего хотят тоску нагонять, от дела только оторвал.

В ответ она вздохнула.

– А на лекцию этого Бабайлы мы все-таки пойдем. Мне хочется.

VI. Когда растаивает кирпич

Брошенный любовник все тосковал.

Уж не только та шоколадка, в день появления афиш купленная, была съедена, но и много других. И бумажки от них лежали хлопьями снега на столе, никем не убранные, как неубраны были и каштановые волосы на тоскующем лбу. Для кого. Зачем. И что это будет за покинутый любовник, у которого гладенький пробор и немецкий порядок на столе.

Так хорошо (т.е. не хорошо, конечно, какое уж там хорошо, когда кирпич на сердце) нет так горько, так горестно-сладко подойти тоскуя к зеркалу и, словно случайно, взглянуть на свое изможденное лицо, на гнездо волос, на небрежно повязанный галстук.

А потом, вернувшись к столу, бессильно опуститься в кресло, минуту глядеть невидящими глазами в высокое окно, где уже почти по-весеннему синее небо, и уронить тяжелую голову подстреленной чайкой в белую пену небрежных бумаг.

На бумагах стихи:

Позабудь меня, желанная,
Разлюби, уйди и жги
Сердце, болью исстрадавшее...
И неокончено.

Или:

Истекли назначенные сроки
Я пути не вижу впереди...
И недокончено;

Или:

Пришел тот день, когда мы вместе
Уж не пойдем с тобой домой, –
Я буду плакать о невесте,
Когда-то бывшей мне родной.

И много еще разных.

Иные молодые люди так сильно горюют, что не умеют писать стихов, поступают в усовершенствованные студии, читают самоучители, и все напрасно.

Чудаки, попробовали бы они отдать свое сердце ветренице, и та, отняв сердце, подарила бы им взамен сладкий дар поэзии.

Брошенный поэт встал и прогоревал по комнате. Февральское солнце било с синего весеннего (на небе в феврале уже весна) неба на белый дом напротив, и нагло кричали разноцветные плевки со стен раздражающими буквами. – Мир и счастье в ближайшие дни.

– В зале консерватории, вспомнилось почему-то любовнику, и он не заметил, как теплая волна радости кольнула сердце.

Чему бы радоваться, чему бы радоваться, кажется, ну в консерватории, ну будет этот старый Байбак, или как там его, играть на органе, чему же радоваться.

Совершенно непонятно.

То какая-то идиотская шоколадка вместо бутылки крепкого старого коньяку, то нелепая улыбка и непонятная радость, неведомо откуда льющаяся в душу при мысли об этом Бобенчике (любовник окончательно не хотел вспомнить фамилию профессора).

Да по той-ли дороге он ищет, по той-ли, в лекции ли тут дело, нет-ли какой ошибки, не кассирша-ли консерватории невидимо греет его умершее сердце, ведь, помнится, ее волосы напомнили что-то тогда...

Да, да он сам уже догадался. Да, да, надо будет сходить, проверить еще раз, глупости, конечно, просто так, показалось.

– У страха глаза велики, ни к селу, ни к городу подумал он и решил – на лекцию проф. Бабайло идти.

VII. Шарлатанайло

На заседании общества археологии и этнографии, на котором доцент, тот, что постарше и повыше, делал доклад, было решено.

– На лекцию профессора А.Г. Бабайло идти всем. Ибо, во-первых, хотя он и шарлатан, но, может быть, в докладе сообщит интересные научные новости; если же нет, то обязанность местных ученых определено и открыто разоблачить его шарлатанство и заставить городское управление принять меры против подобных надувательств.

Барышни-любительницы кинематографа, оказывается, ни разу в жизни не слышали органа и записались у кассирши первыми. Ряд первый, место №№25-27 по самой середине.

У кассы же они встретили свою приятельницу, продавщицу из кондитерской, и та записалась на место № 26.

Так город, которого не поразишь ничем, не убедишь никакими афишами и ничем не взволнуешь, в пятницу 8-го февраля битком набил зал городской консерватории, где должен был делать доклад проф. А.Г. Бабайло – шарлатан по общему мнению, шарлатанайло, как острили местные не острые остряки.

Конец 1 круга.

(Продолжение следует).

Круг 2-ой.⁶

Какие б песни пела степь,
Когда старинная могла бы
Сухая каменная баба
Сосновым голосом запеть...

П. Ск.

I. Собачий плач – увертюра

В четверг 7-го февраля ничего особенного не случилось.

А с утра в пятницу мохнатоногие битюги один за другим подвозили к воротам консерватории продолговатые, длинные, квадратные и овальные ящики. Ражие мужики втаскивали их с надутыми красными шеями на 2-ой этаж. Продолговатые и овальные ящики гулко скрипели, и не менее гулко ругались с красными надутыми шеями ражие мужики.

Ровно в полчаса 1-го, в тот час, когда из костельских ворот напротив потекли черные ленты отмолившихся, растрепываясь за оградой на все стороны и роняя шаг за шагом из

⁶ См. № 3-4 «Студенческой мысли».

ушей плачевные звуки органа. Ровно в эти последние минуты панихиды (умер так кто-то, и его хоронили) на лестнице консерватории прозвенел отчаянный вопль.

Какая-то общипанная собака подкатилась под ноги ражего мужика, надутая шея того покраснела еще больше, овальный ящик покачнулся и, скользнув по спине влево, прижал руку носильщика к перилам.

Ровно в полчаса первого выходявшие из костела услышали отчаянный визг, и рыжая какая-то общипанная собака метнулась в сторону площади.

Отмолившиеся в костеле были неприятно поражены острым собачьим плачем, так неуместно ворвавшимся в уши, где еще носились улетающая печальные птицы органа.

Отмолившиеся не видали ражего мужика с перекосившимся лицом и холодной росой на лбу, который сидел на ступеньках в консерваторию и махал изуродованной рукой.

Выходявшие из костела видели только мохнатоногих битюгов, подвозивших один за другим продолговатые, длинные и прочие гулкие ящики.

Ящики были из серых корабельных досок, покрыты свежей олифой, и на них стояло только три слова:

Крупно: – Осторожно и мельче: – Профессор Бабайло.

II. За сломанным забором – увертюра

Ровно в полчаса первого высокий черный человек с сидящей курчавой бородкой, без левого переднего зуба под усами, выходил из гостиницы Сан-Ремо по направлению к площади.

Высокий человек прихрамывал немного на левую ногу, но это совсем не значило, что высокий черный человек встал сегодня с левой ноги; – улыбка не раз раздвигала сидящие усы и показывала крепкий костяной забор за губами.

Отсутствие левого переднего зуба еще более усиливало сходство костяного ряда с забором: одна доска была выбита, но отсутствие одной доски еще не мешает забору быть забором.

Человек из Сан-Ремо, немного припадая на левую ногу, направился к площади.

Было полчаса 1-го, и был праздник.

Магазины были заперты, в том числе и кондитерская. И это очень жаль. Ибо в противном случае продавщица шоколада, та самая, легонькая, могла бы увидеть из широкого окна витрины, как высокий господин, припадающий слегка налево, остановился как раз против двери магазина и, вынув книжку, с вниманием рассматривал собор на площади.

Белый собор в саду на площади был гордостью городских старух и богомольниц. Весь белый с колоннами он был выстроен не из мрамора, конечно, но в ясную ночь, при луне, немного издали, мог смело сойти за мраморный. О, собор этот был гордостью не одних салопниц, – старожилы города с чувством рассказывали приезжим, что 200 лет назад еще в баснословные годы расцвета городской мощи, собор этот был выстроен по чертежам знаменитого итальянского архитектора.

Собор этот стоял в центре города, и его купол блестел вторым маленьким солнцем всем въезжающим в город со стороны-ли реки, со стороны-ли железной дороги.

Собор определенно нравился всем.

Но он, видимо, не понравился высокому человеку из Сан-Ремо.

Человек из Сан-Ремо был чем-то недоволен и несколько раз вздохнул. Высокий человек не сказал ни слова. Но если бы мы смогли заглянуть ему в рот, то, верно, увидели бы за зубами, не перелетевших через забор, пяток слов, уж быстро тающих в изгибах языка.

Слова эти: – жаль, но ничего не поделаешь – придется сломать. И как только они растаяли, причем вторая половина слова – сломать, успела выскользнуть сквозь сломанную доску зубов вздохом ааа... высокий кудреватый человек пошел обратно с площади в гостиницу Сан-Ремо.

Городские часы пробили полчаса второго.

Высокий человек был слегка нахмурен, когда поднимался по лестнице к своему номеру.

Звали этого человека проф. Бабайло.

III. 4 всегда больше 1

Говорят, что афиши и публикации не могут не лгать, говорят даже, что лганье и является собственно целью всяческих афиш и публикаций, равно как газет и всех прочих печатных изданий.

Может быть, это и верно, даже наверное это верно, но не всегда это верно. По крайней мере разнооттеночные афиши о лекции 8-го февраля не лгали.

Ведь, что, на самом деле, мы называем лганьем.

Врать – это преувеличивать. Врет школьник, который, получив кол за незнание бинома Ньютона, говорит родителям – у меня все хорошо, и спокойно переправляет на 4. Он преувеличивает, ибо 4 всегда больше 1-го.

Врет муж, который только что вернувшись от любовницы, говорит жене спокойно: – Ну, милая, и устал же я, прямо смерть – заседание за заседанием, – он преувеличивает, ибо у него было только одно *заседание*, а не много, и деловитость его куда меньше, чем он показывает жене.

Врет торговец, который выставляет цену на яблоки – 15 копеек, тогда, как им цены нет.

Вот что значит врать.

А разве афиши проф. Бабайло ввали.

Они кричали о том, что доклад будет сопровождаться игрой на органе; исходя из этической неблагонадежности всякого, вообще, печатного листа, можно бы подумать, что никакого органа вовсе не будет. Выйдет этот самый профессор и пропиликает что-нибудь на скрипке, а то и того жиже.

А на самом деле...

А на самом деле вся эстрада консерваторского зала оказалась заставленной разнообразнейшими музыкальными инструментами, известными и неизвестными, виданными и невиданными и, во всяком случае уже, в первый раз виданными теми папиросниками и любительницами кино, которые заполняли первые ряды.

Широкая и высокая эстрада, заставленная трубами и фисгармониями, какими-то старинными клавиринами и цимбалами и прочим, напоминало не то взорванный мост, не то разрушенный завод – тут глыба черного мрамора – пианино; тут заржавелая решетка – цимбал; тут труба – фагот.

На эстраде еще никого не было, но уже было видно, что разноцветные простыни не солгали, во всяком случае насчет музыкальной части программы.

IV. Зала – жизнь

Вот пятница 8-го февраля.

Вот зал консерватории в электрических букетах ламп; вот тысячи народа, сошедшиеся обрести мир и счастье в ближайшие недели.

Вот непопавшие в зал под загорающимися от фонарей снежинками растекаются по кинематографам, театрам, домам.

Вот попавшие с билетиками в руках и с обычной ярмаркой ищут своих мест.

Вот брошенный любовник с синим билетиком долго тыкается близорукими глазами в номерки рядов и занимает, наконец, чужое место.

К нему сейчас же подходит седеющий доцент и говорит наставительно.

– Как же так, молодой человек, вот вы с билетом в руке не можете найти своего места в зале, а надеетесь, небось, уже без всякой указующей бумажки определить свое место в жизни.

Ах, седеющий доцент, сам того не зная, наступил на любимую мозоль любовника.

22-хлетний безработник в плотно застегнутом пиджаке, улыбающийся и торжественный, посадил молодоженов в пятом ряду.

Синеблузая группа рабочих заняла целый ряд, проведя черту водораздела по полю голов лохматых, гладких, причесанных, лысых блестящих и матовых.

Головы эти были неотъемлемой собственностью, основным капиталом, так сказать, торговцев, военных, студентов, профессоров, общественных управителей и священнослужителей, людей свободной профессии, наконец, причисляя сюда поэтов, артистов, папиросников и любителей кинематографа.

Головы поднимались и опускались, следуя точно вытягиванию и сокращению соответствующей шеи, и рассматривали развороченный мост эстрады. Головы совсем забыли, зачем они пришли в зал, забыли, что заранее уже называли проф. Бабайло шарлатаном, забыли даже, что вообще будет какой-то там доклад, – думали, что пришли на концерт. И иные уже гипнотизировали – да не название ли это музыкального произведения – те 8 слов, что завоевали главное место в афише.

Но вот на эстраде появился докладчик, и толпа яростно стала пускать в него стрелы своих глаз. Нам этого делать незачем – профессора Бабайло мы уже знаем.

V. Музыкальное солнце

Бабайло начал сразу остро и резко.

– Скажите, приходилось ли вам когда-нибудь чистить картошку? Наверное. Мне тоже приходилось. Неприятное и скучное дело. Полчаса счищать кожицу с мучистых шариков, которые будут съедены в 10 минут.

Если, еще того хуже, приходилось ли вам идти на работу не по собственному желанию, а по приказанию других людей. Конечно. Мне тоже приходилось. Вот я вижу сейчас в 20-м ряду синюю полосу блузников. Не так давно мне самому приходилось с утра влезать в холстяную рубашку и идти в шахты. Там я потерял зуб и повредил ногу.

Докладчик осклабился, и на освещенном ряде зубов притихшая публика могла увидеть черную дыру – сломанную доску в костяном заборе.

– Я охромел.

И докладчик ступил по эстраде 2 шага в сторону, явственно припадая на левую ногу.

– Вам, конечно, приходилось иметь неприятные семейные сцены. Вот вы допустили какую-нибудь оплошность, и жена молча глядит на вас кладбищами глаз, или, если у нее к тому склонность, уже не молча стреляет в умирающую любовь мертвыми словами.

А неприятности по службе, а досадные зубные и головные боли, а мучения совести. А голод...

Слушатели насторожились.

– Скажите, а согласились бы вы, чтобы у нас не всходило солнце в течение целого года, проблескивая иногда так минут на 5-10, ну на 20, самое большее.

Вы представляете, что вот сейчас в этом зале вдруг потухнут все люстры, луна на улице зайдет, и стынущая темь съест все фонари и окошки домов.

Вы согласились бы возвращаться вот сегодня после доклада домой и, шагая по темным улицам, добираться ощупью до крыльца, ощупью же найти свою дверь и в животной темноте приняться за чистку картошки или за какое другое такое же неприятное дело. И в темноте лечь спать и знать, засыпая, что завтра поутру с тугими портфелями вы побежите по черным тротуарам, вдыхая не освещенный воздух.

И так изо дня в день, всю жизнь. И только иногда редко вы будете собираться на световое представление, где вам покажут простую керосиновую лампу или какое-нибудь относительно остроумное сочетание огней, и вы все замрете взволнованные и настороженные по свои местам, подавленные величием открывшегося вам нового мира.

Да вот...

Бабайло подошел к выключателю и выпустил из зала весь свет, затем взял простой пастушеский рожок и заиграл самую нехитрую утреннюю песню...

Одна из приятельниц Игоря Северянина как-то спрашивала поэта с тоской: –

Кто же он, кто он?

Дурак, сумасшедший, больной?..

Игорь Северянин немедленно поторопился объяснить ей, что он не то, не другое, и не третье... он просто гений.

В нашершенных головах публики, собравшейся в большом белом зале с бюстами композиторов, все чаще, все досаднее и упорнее стали вспыхивать эти 2 строчки.

А Бабайло совсем не Игорь Северянин, не старался ни в чем разубеждать своих слушателей, – он спокойно кричал рожку, чтобы тот рассказал о золотых горах, на которых новое, каждый день, солнце разгоняет туманы, о стадах овец, о мельчайшей сетке пыли, которая дымом тянется вслед потухающему костру вечерней зари и о многом другом.

Горожане, которым в диковинку были все эти прекрасные вещи, слушали внимательно.

Впрочем Бабайло играл не долго.

Он дал полный свет и продолжал:

– Понятно?

Дальше будет еще понятнее.

Я однажды сидел в тюрьме, в грязном и жутком чулане, где, ложась спать, я мечтал только об одном, чтоб меня ночью не съели крысы; а утром, пробудившись, бродил, опустившийся, по сырым доскам и ждал обеда.

Думать о свободе не хотелось – ибо побег был невозможен. Но мои мучители – это было, конечно, не в нашем городе (вежливый экивок в сторону общественных управителей) – сами открыли мне двери.

Они рядом с тюрьмой на площади устроили военный плац. И вот ровно в 8 ч. утра – это я знал по сторожевому стуку в железные мои двери – через решетное окошко стали долетать ко мне звуки оркестра.

Там играли веселые польки, под которые гарцевали красивые всадники, медные марши и победные песни наступления. Занятия продолжались до вечера, до 6 часов. И, когда мне приносили кипяток, последний вздох труб замирал, удаляясь.

Через месяц я был на свободе.

Вы не улавливаете еще, о чем я говорю?

Один из синеглазников буркнул что-то, но, удержанный товарищами, сел снова.

– Скажите, а зачем вы ходите на концерты, зачем ставите у себя по гостиным этих черных бегемотов – рояли?

Вы жаждете вот социальной революции. Синеглазники, это я к вам. А что порождает в вас такое яростное сопротивление к ней? Нужда. Но, ведь, нужда одинаково цепляется и за шляпки этих вот барышень в первом ряду, а они, если о чем и мечтают, так это о женихе с гитарой, да о 10-тирублевой прибавке.

Понятно теперь?

Тут крепкоголовый (это буквально) синеглазник, тот самый, что и 5 минут назад, мрачно приподнялся, отмахнулся от зашикавших спереди и сзади и отчетливо сказал:

– Нет, не понятно.

– Ах, так? не удивился Бабайло, ну, надеюсь, сейчас вам станет все понятно...

(Продолжение следует).